

Предисловие должно быть коротким

«Не держите небо» — говорю я людям. И себе говорю в первую очередь.

Ведь все мы пытаемся «удержать над собой небеса». Мы переживаем о куче событий, над которыми не властны. И теряем в этом всю радость жизни.

А отвечает за жизнь нашу Бог. Это Он держит небо. И крепко держит.

Но мы, даже веря в Бога, всё не доверяем Ему.

Я хочу вернуть себе радость доверия.

И именно доверию посвящены многие истории из этой книжки.

Не держите небо — доверьтесь Богу.

Анастасия Коваленкова

Ходики весенние

Как трудно начинается весна! И тело вымоталось, и душа за зиму устала.

Пришёл пост, а кругом метели февральские.

Идёшь к храму, в лицо ветер, снег... А то и дождь ледяной припустит. Идёшь, весь пав на тот ветер, под углом к земле. А земли не видать — волглый снег, наледь, лужи...

Маятно живётся в такие дни, и сама душа — всё словно против ветра идёт. Тоже наклонилась, зажмурилась душа, бредёт она к весне, к Воскресению Христову.

Но, видно, Бог нас и в такие дни не оставляет.

Казалось бы, где силы, где свет взять?

А вдруг запустит Господь весенние ходики. Есть у Него такие специальные весенние часы — и тикают они, и звонят.

Сейчас я вам всё про них расскажу, вы их тоже знаете, просто не всегда заметны они.

Так вот, просыпаешься весенним хмурым утром, и вдруг «кап-кап, и кап-кап, и кап-кап» за окном, по карнизу, по крышам, по асфальту... Зазвенела талая вода!

Это и есть «тик-так» весенних ходиков!

Пошли они, затикали, заотмеряли ход весеннего времени. Затикала весёлая капель.

Она, капель та, — не конец зимы. Она начало жизни весенней, воскресение жизни. Это путь живой земной воды, той, что напоит почки деревьев, той, в которой искупаются весенние лохматые воробьи да синицы.

А синицы-то тоже участвуют в работе Божьих весенних ходиков!

У обычных часиков кукушка выглядывает, часы отмеряет кукованьем. А у весенних ходиков — синица зачирикает.

Идёшь вдоль по улице, кругом тикает-капает: «Тик-кап, тик-кап, тик-кап! К весне идём!»

И вот тут неожиданно: засвиристит синичка, время весеннее отметит!

Она не просто чирикает. Если вслушаешься, ясно различишь — поёт она:

— Свети, свети, свети!

Солнцу малая птаха говорит, его просит светить пожарче.

Бог никогда не оставляет нас одних.

Всё посылает Он нам в помощь на пути к Пасхе, к Воскресению: дожди, что смоют грязный снег, ветра, что принесут тёплый воздух. Суровые это помощники, но незаменимые.

А уж ходики весенние — капель да синица, — они сплошная радость, простодушный и светлый голос надежды:

— Иди, иди, человек, мы верим в Свет, и ты верь! Радуйся вместе с нами — с каплями, с птицами!

Встряхнёшь тут головой, прогоняя февральскую печаль, улыбнёшься. Да и зашагаешь к храму.

А уж после службы выйдешь в весенние сумерки улицы.

За дальними домами, на краю неба, розовый закат улёгся...

Идёшь домой тихо, задумчиво.

И приходит в голову неожиданная мысль: «А может, и печаль Бог нам в помощь посылает? Не было бы мне давеча грустно, как бы смогла я обрадоваться весенним ходикам? Поди, и не заметила бы.

А когда попечалилась душа, умаялась — вот уж обрадуется капли, вот уж защебечет с синичкой вместе».

Думается мне, что много чудесных даров даётся нам. А мы порой и не замечаем.

Так что уж если вы заметите такой чудо-дар — обязательно расскажите другим.

Как я вам рассказала — про весенние ходики.

Моя совесть

Недавно один человек сказал в интервью, что совесть — такой инструмент внутри нас, который заботится о том, что подумают о нас другие люди. Мол, мнение людей каждому очень важно, потому и грызёт человека совесть.

А я совсем не согласна. Дело не в людском мнении. Ведь совесть мучает нас, когда мы одни. Совесть может терзать человека, когда он вспоминает тайно совершённый грех. Обратите внимание — совершённый им тайно от других.

Думаю, что совесть — совершенный прибор, никак не связанный с чужим мнением. И когда я делаю дурное одна, когда никто не узнает, когда даже только думаю дурную думу — прибор срабатывает. Он срабатывает у человека, даже если тот вредит самому себе — напился, например, втихую, один, безобразен был сам с собой лишь, — совесть обязательно будет звучать.

Уверена, что совесть — это специально незащищённая часть нашей души. Она в этом месте оголена. Для того так устроено, чтобы душа сигналила о своём страдании. Душа у человека болит тогда, когда совесть мучает. В каждом из нас есть очень

нежная, ранимая, иногда изуродованная душа. И нам дан инструмент для её сбережения — совесть.

Причём прибор этот настолько чувствителен, что работает лучше, чем наш мозг. Я могу не помнить, что такого я сделала, но в душе — какой-то звон болезненный, свербит там. И начинаешь копать-вспоминать-перебирать: где я нагрешила? И находишь. Это сигналила совесть.

Может быть, совесть — прибор, следящий, чтобы мы не теряли Божий образ? Мы созданы по образу Божьему, так, значит, совесть контролирует соответствие?

Обратите внимание на строение слова — *со-весть*.

Это *весть* — не случайно. А *со* — совместно. Значит, совесть — наша общая весть? Наша общая — с кем? С Богом?

По словарям выходит, что «совесть» — от слов «ведать», «знать». Тайнственное знание, вложенное в нас. Тайнственное потому, что не зависит от нашего мозга. В одной мудрой книге мозг назван «сластолюбивым псом». Так вот совесть от этого «пса» свободна. Свободна и, значит, очень сильна она.

И, по-моему, самые несчастные люди — люди без совести. Бессовестные люди затолкали этот волшебный прибор в такую тмутаракань собственного нутра, чтобы не слышать этот неподкупный голос, в такую глушь его загнали, что совсем уж гибнут их души, а они-то, бедные, не знают об этом. Погибают они без Божьей вести.

Так что берегите свою совесть. Любите этот беспокойный голос внутри — голос совести.

Урок любви

Думаю — что же меня научило так любить деревню? Так ценить каждую деталь — щеколду калитки, пёстрые цвета заборов, бегущую тропку, любой её поворот? Что так заострило моё чувство?

И додумалась.

Это случилось в детстве...

Важно то, что мир деревни мне дарили ненадолго — три месяца, и всё! Мы же снимали у хозяев. И я точно помню, как начинался отсчёт. Вначале блаженный — впереди ещё столько... Но ведь *уже* была мысль!

А потом с каждым днём приближалось расставание. И это превращало всё, окружавшее меня, в *ценимое*! Я осознавала всю-всю красу этого, неповторимость. Наверное, я тогда, маленькая, в далёкой деревне, испытывала настоящее восприятие мира — так и надо бы наш мир любить в каждый день жизни.

И предел этого внутреннего восторга наступал в момент прощания.

«Я ухожу, а всё вот это остаётся. И жители, мои любимые Анны Сергевны и Митричи, остаются в этом... А меня не будет».

Каждое моё лето было маленькой прекрасной жизнью, со смертью в конце. С уходом, да, со смертью.

Это и научило меня моей любви. Я знала, что такое — потерять. На опыте. И заранее помнила о быстротечности, временности данного.

А каким подарком бывал зимний приезд в деревню!

У тебя уже нет тут дома, только к хозяйке зайдём, на чай. А она-то, счастливица, так и живёт здесь... И узнаёшь, сквозь сугробы, все знакомые тропки, удивляешься прозрачности садов, свободных от листвы. И опять, уходя, оборачиваешься... А там дымы уже тянутся в сумеречное небо, окошки светятся, Анны Сергевны ужины разогревают. А я уйду.

И снова сжималось сердце. Сколько же оно сжималось?

Вот что научило меня любить — знание о потере. Знание о смерти, получается.

Именно этот опыт выучил меня остроте запоминания, предельному вниманию чувств — запах, прикосновение, звук, пространство взгляда, деталь, поведение человека, речь его, ведь у всякого человека речь особенная.

Я каждую осень умирала. А каждый май — рождалась. Значит, дело — в потере.

Мы не можем всё время думать о том, что потеряем этот мир. Но, кажется мне, имеет смысл вспоминать об этом. Вспоминать, чтобы уметь ценить, дорожить. Каждым днём в этом мире, каждым вечером, прожитым среди родных людей, даже любящим взглядом собаки — дорожить.

Да я и так с этим живу, если честно. И, может, счастлива я в жизни именно благодаря умению ценить жизнь.

Радость и забота

Иногда, чтобы что-то точно понять, надо остаться совсем одному. Одному со всем миром вокруг.

Вот проводила я мужа в Москву, иду по дороге. Одна иду, зима в деревне, пусто на улице... И закат ширится передо мной. Розовеет он, играет в небе. Огромный, вдоль кромки лесов и полей за холмами, по которым иду.

И я точно понимаю, что это только я смотрю на этот закат тут, он только мой. Как странно.

И скажу я вам теперь одну вещь, непростую, а может, даже страшную для понимания.

Знаете, ведь всё, что у вас есть, — оно только в вас.

Просто я это яснее ощутила здесь, на дороге.

По существу, ничего-то у вас, идущих по дороге, за спиной и нет! Ничего того, что есть у вас перед глазами. Нет там пейзажа вообще никакого.

Там, друзья мои, клубящиеся сонмы атомов, не имеющих даже цвета. Потому что цвет — в ваших глазах он, во взгляде вашем.

В мире действуют простые законы физики. Ничего тут не поделать.

И запах морозный — он в вашей голове, душе.

И ваше чувство прикосновения к снежному кусту — оно в вас, а не снаружи.

Нет в природе знакомой нам красоты. Никто, кроме человека, не чувствует её.

Звери, скажете? Ну что вы, звери иначе живут. У них свои цвета, свои запахи, прикосновения, смыслы. Иные они.

Наш мир, тот, который мы с вами любим, — он только в нас.

Отвернулись — и всё, одни клубящиеся атомы! До самого края Вселенной.

Страшно? Нет, прекрасно.

Потому что понимаю я, с трепетом и благодарностью, какая же сложная штука-система устроена, сколько всего собрано-показано, сколько во мне затеяно — для того, чтобы я вот так смотрела на широченный закат. Если он весь во мне...

Так это какая радость и какая ответственность получается!

Я устроена для просмотра мира? Для знания красоты? Для сочувствования всему?

Ведь мне даны вот такие глаза, уши, пальцы, нервы, мозг, сознание, чувство — всё для того, чтобы уловить красоту вокруг.

Вот это да...

А ещё — в меня совесть встроена, я помню о людях, я беспокоюсь, я стараюсь расти. Я не сама это придумала, оно так устроено во мне.

Вот гляжу на закат и волнуюсь, запоминаю, чтобы вам рассказать.

Может, вот это в нас и есть — *Подобие*? Уникальная возможность видеть красоту и уникальное чувство ответственности за рассказ о ней.

Великое ощущение *сопричастности* огромному процессу мира.

Кто ещё этому сопричастен, кроме нас? Никто.

Вроде и просто, и непостижимо.

Стемнело совсем, дошла я до дома.

И только одно я вынесла, ясное, из тех мыслей: каждый из нас — очень ценный персонаж, тайный, удивительный, наделённый редким богатством.

И миссией наделённый. Миссией вот какой: видеть этот мир, любить и чувствовать его, любить мышь, лису, бегущую среди трав, бабочку, запутавшуюся в паутине, и паука, и закат, и другого, такого же странного, человека, идущего где-то там, с другой стороны заката...

Значит, нужно, чтобы вы берегли себя.

Вы — очень важные создания.

Почувствуйте себя единственными, для которых это всё так — и закат, и лес, и лиса, и другой человек...

Для вас это и вот для того человека, который сейчас идёт где-то, может, и не задумывается ни о чём, а просто смотрит на закат да радуется.

Крест моего сына

С малых лет водила я сына в церковь.
И крестик свой он никогда-никогда не снимал.
И вот дорос Сашка до взросления.
А тут беда случилась. С его самым дорогим другом.

Выпал тот из окна, разбился. В коме лежит, в реанимации. Родные и друзья согласительную молитву тогда читали, во спасение.

И Саша мой за друга целыми днями молился. Не спал совсем, почти не ел.

А друга его Господь всё же увёл. Умер друг.

Вышел в тот вечер сын мой на кухню, весь белый. И крест свой передо мной положил.

— Убери, — говорит. — Я Бога не понимаю. Я с Ним разошёлся.

И ведь не скажешь ему ничего.

Понятно, не приемлет душа гибели друга. Разве объяснишь сейчас, что раз забрал, значит, так лучше всего будет.

Разве убедишь?

Начались у сына тяжёлые дни.

Навалился нервный срыв, и учиться бросил, и... эх, да что говорить — думала, погибнет он.

А тут его ещё и в военкомат вызвали, со мной вместе.

Пошли мы.

Страшно мне, уж совсем не ведаю, что делать. Только всё молюсь: «Господи, Ты управь так, как надо, во спасение. Может, армия ему поможет, управь, молю Тебя».

В кабинет врача вызвали сперва сына. Вскоре он вышел.

— Тебя зовут, — говорит.

Что ж, пошла.

И тут они мне говорят:

— Сына вашего мы не берём, не строевой он, сами видите, срыв. Но у нас к вам вопрос: чем мы можем помочь?

Так и сказали.

Чудо какое-то...

Но и дальше чудеса были.

Я осмелела и попросила:

— Вы помогите мне его в больницу, в неврологию положить. Так он не ляжет, а если вы скажете, что вам экспертиза нужна, — тогда пойдёт. А там уж его хоть в чувство приведут.

И, представьте, согласились они.

Чудо, что уж тут говорить, — спасители из военкомата. Ну, разве можно в обычной жизни представить, что в военкомате маме скажут: «Чем мы можем помочь?»

Не обошлось тут без Провидения Божьего.

Как в больницу мы собираться стали, заметался мой Сашка, ищет что-то.

— Где крест мой? — твердит. — Я туда без креста не пойду.

Дала. Надел.